

Кастелян Претр Вобан и почти две тысячи человек, следовавших за ним, перебрались через ров у цитадели и бросились к возвышавшимся впереди укреплениям Железных Воинов. В этой атаке не было боевых кличей, не было возгласов ярости — только молчание, которое хранили солдаты, понимая, что ради успеха операции они не должны обнаруживать себя. Лица их были покрыты сажей, а небесно-голубая униформа осталась в казармах, уступив место черным бронежилетам.

Преодолев ров, штурмовые отряды Леонида присоединились к подрывным командам и рассредоточились. Вобан понимал, что эта атака была крайне рискованным предприятием, но, как верно заметил его заместитель, у них не оставалось другого шанса, кроме как уничтожить орудия противника. Не решились они на эту попытку, и Железные Воины просто обратили бы цитадель в пыль.

Грядущая битва наполняла Вобана возбуждением, к которому примешивался страх: слишком давно он не вел людей в бой.

Он крепче прижал к груди болт-пистолет и побежал, пригнувшись и с трудом дыша. До линии врага оставалось еще несколько сотен метров. Вобану казалось, что его тяжелое дыхание создает просто адский шум, а глухой топот сапог по пыльной земле звучал, словно громогласная поступь титана, но пока что никто не поднял тревогу. Может быть, эта отчаянная атака еще увенчается успехом.

Даже в сумраке Вобан мог различить чью-то голову, видневшуюся над краем вражеских укреплений; он стал отсчитывать секунды, оставшиеся до начала битвы.

Им нужно было лишь еще немного времени.

Юрайа Клейн взобрался на земляной вал и, прислонив ружье к неровному парапету, взгляделся в темноту. Там, перед укреплениями, что-то шевелилось, но он не мог рассмотреть, что. Лорд Кроагер поручил ему охранять эти орудия, и Клейн знал, что командира лучше не подводить, но мерцание огней и шум, исходившие от огромного лагеря, мешали разглядеть то, что скрывалось во тьме.

За спиной Юрайи остались несколько сотен солдат: часть из них спала на стрелковой ступени, а чуть дальше в сырых землянках остальные пили спиртное из жестяных кружек. Он глянул вниз и пнул спавшего Йошу — у того, кажется, были окуляры, хоть и потрепанные, но с ночным видением.

— Эй, Йоша! Давай просыпайся, ты, бесполезный кусок сам знаешь чего, — прошипел Клейн.

В ответ Йоша пробормотал что-то неразборчивое и невежливое, после чего перевернулся на другой бок. Клейн пнул снова.

— Проклятье, Йоша, просыпайся же! Дай мне свои стекляшки!

— Что? — пробормотал спросонья Йоша. — Мои очки?

— Да, кажется, за укреплениями кто-то есть.

Товарищ Клейна что-то проворчал, но все же поднялся, протер глаза грязными руками и широко зевнул, после чего попытался хоть что-нибудь рассмотреть в темноте.

— Да нет там ничего, — сонно констатировал он.

— Посмотри через очки, идиот.

Удостоив сослуживца уничижительным взглядом, Йоша достал потемневшие от времени полевые окуляры. Стекла их странным образом выгнулись вперед, после чего солдат надел прибор на бритую голову и, подперев подбородок ладонями, окинул взглядом равнину.

— Ну? — не отставал Клейн. — Видишь что-нибудь?

— Ага, — шепотом ответил Йоша. — Там что-то движется. Приближается. Похоже на...

— На что?

— На...

Но ответа Клейн так и не дождался. Что-то резко прожужжало мимо, и затылок Йоши превратился в месиво из разбитой кости и крови. Тело солдата медленно осело и рухнуло с парашюта.

— Зубы Кхорна! — выругался Клейн, отшатнувшись назад, и отвернулся от обезглавленного трупа, чтобы посмотреть на пространство перед земляными укреплениями. Тут же мимо него опять пронеслось что-то жужжащее, и совсем рядом взметнулся фонтанчик земли.

Снайпер!

Клейн нырнул за парашют и передернул затвор ружья, то и дело оглядываясь по сторонам. Справа и слева от него часовые падали один за другим — без сомнения, работа имперских снайперов на стенах рavelина. Он еще раз ругнулся: тут явно готовилась атака!

Перебираясь через спящие тела, он пополз по стрелковой ступени к сигнальной сирене и поднялся на ноги только у деревянного бруса, на котором был закреплен рупор громкоговорителя.

Клейн взялся за пусковую рукоятку, но услышал топот сапог, приближавшийся к парапету, и понял, что времени почти не осталось. Он провернул рукоятку, и сирена надрывно завывала — все громче и громче по мере того, как солдат крутил рукоятку все быстрее. В деревянный брус врезалась пуля, Клейн вздрогнул от полетевших в него щепок, выпустил рукоятку сирены из рук и схватился за ружье.

Топот слышался уже на укреплениях ниже парапета. Проклятые имперцы! На дальней стороне парапета что-то заскреблось — руки тех, кто пытался вскарабкаться наверх, — и Клейн зарычал, радуясь возможности убивать.

Никакое гвардейское отребье не пройдет мимо Юрайи Клейна!

Яростно взревев, он встал в полный рост, поднял ружье — и столкнулся лицом к лицу с гигантским воином в желтых доспехах, в руке которого был потрескивающий силовой меч, а на нагруднике алел имперский орел.

— Что за... — только и успел проговорить Клейн, после чего меч Астартес из ордена Имперских Кулаков разрубил его надвое.

Ночь прорезал вой сирен, и Вобан понял, что с исчезновением элемента неожиданности у них оставался только ограниченный промежуток времени, за которым неизбежно должно было последовать отступление. Он начал подниматься по крутому внешнему склону укреплений, используя рукоятку пистолета в качестве опоры, а его солдаты уже перебрались через парапет. Теперь, когда соблюдать тишину не имело смысла, они давали выход своей ярости в крике.

Рядом взорвалась граната, на Вобана посыпалась земля, и он поскользнулся, отчаянно пытаясь ногами нащупать опору. Откуда-то сверху к нему протянулась рука в латной перчатке, схватила его за запястье и, без труда перетащив через парапет, поставила на стрелковую ступень рядом с обезображенным трупом. Вновь оказавшись на ногах, Вобан быстро обнажил меч, а космический десантник, которой помог ему, уже отвернулся и открыл огонь из болт-пистолета по толпе вражеских солдат. Его собратья с боем прокладывали себе путь в траншеи, в то время как Имперская гвардия заняла батарею.

— Спасибо, брат-капитан Эшара, — едва переведя дыхание, сказал Вобан.

Капитан Имперских Кулаков кивнул, вставил в болтер новый магазин, после чего ответил:

— Поблагодарите меня позже, а сейчас — за дело, — и, развернувшись, бросился в атаку со стрелковой ступени.

Стрельба и взрывы подсвечивали траншеи и землянки неровными вспышками; крики солдат и вопли раненых слились в какофонию, на фоне которой разворачивалось наступление. Сотни джуранцев сплошным потоком переливались через укрепления, убивая всех, кто стоял у них на

пути. Большинство солдат Хаоса оказались застигнуты врасплох, и войска Империи не щадили неготового к битве врага. Штурмовые группы устроили настоящую бойню, они расстреливали солдат противника прямо там, где они лежали, еще не очнувшись от сна, и закалывали штыками тех, кто уже начинал тянуться к оружию.

На этой позиции были размещены пятнадцать гигантских боевых машин: огромные гаубицы и длинноствольные пушки, в дульном срезе которых человек мог встать во весь рост. На бронзовых пластинах, прикрученных к лафетам, были изображены черепа и нечестивые символы, вокруг гусеничных движителей обвивались толстые цепи, надежно зафиксированные болтами к большим кольцам. Осадные машины излучали ауру ужасной угрозы, и Вобан нутром чувствовал: что-то с ними не так. Он ни на мгновение не усомнился в том, что подобные святотатственные творения не имеют права на существование.

Имперские Кулаки зачистили территорию батареи, убив орудийные расчеты, и установили линию охранения так, чтобы остановить контратаку со стороны параллели и апрошей, которая должна была неизбежно последовать.

Спрыгнув со стрелковой ступени, Вобан крикнул:

— Подрывная команда Альфа, за мной! Команда Bravo — с подполковником Леонидом!

Следом за ним к орудиям бросились два десятка человек; даже сквозь треск стрельбы Вобан почувствовал пульсацию чудовищного, демонического дыхания и вздрогнул. Эта пульсация была где-то на грани слышимости и тяжелой вибрацией отзывалась в костях. Перешагивая через трупы, Вобан быстро двинулся к демоническим орудиям, и по мере того как он и его солдаты подходили все ближе, чувство неправильности лишь усиливалось. Едва он ступил на металлическое покрытие, к которому были прикованы машины, как все его тело пронзила мучительная боль, от которой внутренности сжались в спазме, а колени подогнулись. Вобана охватил ужас: в его разуме возникло четкое понимание того, что одно лишь прикосновение к этим нечистым монстрам закончится смертью.

Он видел, что и другие испытывали такие же ужас и отвращение. Как только дьявольская аура, окружавшая эти кошмарные орудия, коснулась солдат, многие рухнули на колени, некоторых начало рвать кровью. Машины войны радостно вкушали красную жидкость, и под лязг цепей и стон металлического настила от выстроившихся в одну линию орудий начало исходить низкое гудение.

Перестрелка у края батареи усилилась, и Вобан понял, что Железные Воины, боявшиеся потерять свою адскую артиллерию, перешли в контратаку.

Но их наступление не могло вот так закончиться — не сейчас, когда они уже были так близки к цели!

Вобан заставил себя встать, сжал зубы, борясь с приступом тошноты, и рывком поднял на ноги ближайшего к нему бойца.

— Давай же, будь ты проклят! Поднимайся, солдат!

Схватив подрывные пакеты, гвардеец, шатаясь, пошел за Вобаном, но с его лица не сходило выражение страха и мучительной боли. С трудом передвигаясь, они направились к ближайшему орудью, и цепи машины яростно зазвенели, а из изъеденных коррозией решеток взметнулись выхлопы пара. В глазах у Вобана помутилось, как будто он смотрел на нечеткое голо-изображение; он закусил губу, чтобы не закричать, и во рту появился горький металлический привкус.

А потом страх и боль исчезли так же внезапно, как и появились, словно кто-то задул свечу. Сознание Вобана освободилось от тяжелого груза, давившего на него, легкие сделали глубокий вдох, он сплюнул кровь — и быстро обернулся, услышав за спиной громогласный речитатив.

Один из Имперских Кулаков, чью желтую броню с наплечником, выкрашенным в синий цвет, украшали печати чистоты, широким шагом направлялся к демоническим машинам, и голос его звучал чисто и твердо. В руке он держал резной посох черного дерева, вокруг которого плясали дуги голубого света. Имени воина Вобан не знал, но слова, им произносимые, выдавали в нем псайкера, одного из библиариев Ордена. Каким-то образом он мог противостоять разрушительной силе адских машин и сейчас защищал гвардейцев от их губительного влияния.

От символов и знаков на бронированных корпусах исходили потоки невидимой энергии; Вобан видел, как по лицу библиария текут ручейки пота, как пульсирует вена на виске, и понимал, что воин из последних сил сдерживает рвущихся на свободу духов бездны.

Библиарий дал им всем шанс, но на то, чтобы воспользоваться им, оставалось очень мало времени.

— Быстрее! — закричал Вобан, перекрывая грохот взрывов и стрельбы. — Подрывные команды: установить заряды, а потом убираемся отсюда!

Подрывники поднялись со стального покрытия батареи и приступили к размещению зарядов на наиболее уязвимых местах каждой машины, следуя в этом указаниям лучших офицеров Вобана по вооружению. Орудия метались, стараясь разорвать цепи, в ярости от того, что к ним прикасались руки презренных смертных.

Закончив с одной машиной, подрывная команда перешла к следующей, и тут в вокс-бусине в ухе Вобана раздался голос капитана Эшары:

— Кастелян Вобан, мы должны отступить! Враг приближается, они значительно превосходят нас числом и тяжелым вооружением. Мы не продержимся долго.

— Слишком рано! — крикнул в ответ Вобан. — Дайте нам время установить заряды, а потом отходите! Вы нужны нам живыми!

— Сколько вам нужно времени? — спросил Эшара; его было едва слышно из-за перестрелки и взрывов, гремевших совсем рядом.

Вобан глянул на ряд машин, рвавшихся со своих мест.

— Дайте нам четыре минуты!

— Постараемся! Но будьте готовы двигаться, как только увидите, что мы отступаем!

— Подождите минутку! — огрызнулся Хоук. — Подсоединить бронзовый кабель со священным символом ореола к двум штифтам... с помощью чего?

Даже по вокс-связи в голосе магоса чувствовалось еле сдерживаемое нетерпение:

— Бронзовый кабель подсоединяется к штифтам с помощью символа полустерни. В точности как я и говорил раньше. Как только вы...

— Пойдите, пойдите, — проворчал Хоук, взясь с зажимами на конце кабеля и в то же время пытаясь найти нужные штифты и при этом удерживать кабель над обнаженными электрическими схемами. Фонарь на его дыхательной маске светил все слабее, и теперь приходилось щуриться, чтобы разглядеть символы, о которых говорил Бове. Ага, вот оно! Хоук защелкнул зажимы на штифтах, которые тут же заискрились, обжигая его пальцы. Он отшатнулся, почти потерял равновесие, но успел ухватиться за стальные мостки, на которых лежал, и постарался забыть о расстоянии, отделявшем его от пола. Мостки были сконструированы надежно, болтами прикреплены к стенам и шли по периметру всего зала, образуя вышку для обслуживания торпеды, но Хоук сильно сомневался, что они предназначались для запуска торпеды вручную. За его спиной осталась решетка, а за ней в стене — проход, погруженный во тьму.

Ему понадобилось двадцать долгих минут на то, чтобы взобраться по лестнице, найти на боку торпеды нужную съемную панель и, воспользовавшись ножом Хитча, открутить священные винты, которые удерживали ее на месте. За прошедший после этого час он пережил два легких электрошока, три раза обжог пальцы и чуть не свалился на рокритовый пол с высоты в тридцать метров, а потому был на данный момент глубоко несчастлив. Успокоив дыхание, он жалобно проговорил в вокс:

— Проклятье, могли бы и предупредить!

— Готово?

— Да, готово.

— Очень хорошо, теперь торпеда приведена в боевое положение.

Внезапно и очень четко осознав, что его голову и это боеготовое чудовище разделяет меньше метра, Хоук пополз назад по мосткам.

— В боевое положение, да. И что дальше?

— Теперь мы должны сообщить духу войны, заточенному внутри торпеды, местоположение его жертвы.

— Угу, — буркнул Хоук. — Как конкретно мне это сделать?

— Вам — никак. Эту священную миссию я возьму на себя. А теперь отключите красно-золотой кабель с руной телеметрии, а затем...

— С руной чего? Просто скажите, как выглядит эта хреновина.

Бове вздохнул.

— Она напоминает крылатый треугольник с шестерней в середине. Кабель соединен с камерой самонаведения духа войны — это такая золотая коробка над панелью. Когда отсоедините кабель, подключите его к разъему для вывода данных дистанционной триангуляции на вокс-аппарате и ждите. Как только огни на воксе перестанут мигать, вновь подсоедините кабель к камере самонаведения.

Хоук нашел нужный штепсель и отключил его от панели, после чего ругнулся, обнаружив, что кабель был не более пятнадцати сантиметров длиной. Он подтащил вокс-передатчик к краю мостков, прислонил его к стойке и, подключив кабель, стал следить за лицевой панелью вокса. Яркость ее померкла, огоньки вокруг верньера мигали, складываясь в странные рисунки; оперевшись на локоть, Хоук ждал, пока программа закончит последовательность операций, и рассматривал нос гигантской торпеды.

Нос этот был неправильной округлой формы, по обтекателю спиралью шла борозда с неровными краями, и Хоук предположил, что предназначена эта борозда для того, чтобы торпеда легче пробивала толстый корпус космического корабля и взрывалась уже глубоко внутри.

Он прождал несколько минут; наконец мигание на панели вокса прекратилось, и он вновь подключил кабель к торпедe. Ему послышался какой-то шум внизу, он глянул через край мостков, но, ничего не обнаружив, не придал шуму внимания и сосредоточился на деле. По воксу снова зазвучал голос Бове:

— Теперь духу войны известна его жертва. Хоук, сейчас вы должны произнести Молитву Пробуждения, которая начнет охоту.

— Ладно, Молитва Пробуждения... А что потом?

— Просто нажмите руну запуска на...

Бове не договорил: шквал болтерного огня обрушился на вокс и разнес его на мельчайшие осколки. Хоук в панике подпрыгнул, почти свалился с мостков, но успел ухватиться за перила.

— Священная кровь Императора! — выругался он, подобрал ружье и прижался спиной к металлической решетке в стене. Сердце колотилось в груди, воздух с трудом проходил сквозь гортань. Что, черт побери, происходит?

Он решил рискнуть и перегнулся через край мостков, чтобы глянуть вниз, и увидел гиганта в силовой броне серо-стального цвета. Болтер в его руке еще дымился, над плечом шевелилась механическая клешня, а вокруг воина столпились солдаты в красных комбинезонах, целившиеся вверх из ружей.

До Хоука донесся голос, глубокий и полный угрозы:

— Ты умрешь, человечек. Ты заставил нас побегать, но теперь все кончено.

— О, чертчертчерт, — зашептал Хоук, крепко зажмурившись.

Первый подрывной заряд сработал, выбросив столп ослепительного огня, и цепи и крепления на демонической машине, стоявшей первой в ряду, обратились в ничто. Сгорели с таким трудом нанесенные на металл символы магической защиты, расплавились, не выдержав вулканического жара, механические части, и вопль машины, словно хлыстом ударив по батарее, стал знаком того, что ужасающая тварь, ранее заключенная в ее корпусе, вырвалась на волю.

Тех, кто оказался рядом, сбило с ног, но не ударной волной, а силой этого крика. Сила имматериума вихрем пронеслась по рядам джуранцев, людей выворачивало наизнанку и разрывало изнутри в ураганном водовороте энергии эфира, в котором возникали, перетекая одна в другую, безумные формы и линии, пока с последним воплем агонии демоническая сущность не рассеялась.

Услышав хриплый крик одной из inferнальных сущностей, Хонсю послал очередное проклятие в адрес Кроагера. Солдатам именно его роты было поручено охранять этих бесценных чудовищ — чудовищ, для призвания которых потребовались не одна тысяча жертвенных жизней и договор с темными силами. И где теперь были эти солдаты? Ответ напрашивался сам собой: упивались убийством где-то в другом месте, утоляли свою жажду крови на оргии смерти.

Он успел пригнуться, когда край окопа изрешетили выстрелы, а группу солдат — простых

смертных — разорвало в клочья. Хонсю передернул затвор на собственном оружии, но внезапно понял, что выстрелы, которые только что прозвучали, были сделаны из болтера. Перешагнув через залитые кровью тела, он осторожно выглянул из-за поворота в окопе — и увидел космического десантника в желтом доспехе. С позиции, которую тот занял, простреливался весь окоп, и пробраться мимо него по узкому коридору, вырытому в земле, не представлялось возможным.

За спиной Хонсю столпилось несколько сотен солдат; судорожно сжимая в руках примитивные ружья и пригибаясь от пуль, они выжидательно смотрели на него, надеясь, что он скажет им, что делать. Зарывав, Хонсю выхватил одного из толпы и отшвырнул в апрош. Солдат грузно рухнул на землю, попытался подняться и тут же был продырявлен болтерными снарядами.

Не успел убитый упасть, как Хонсю, пригнувшись, метнулся за поворот в траншее и выпустил несколько коротких очередей по врагу. Доспех десантника не выдержал, и противник повалился на землю. Хонсю сжал зубы, увидев символ на левом наплечнике воина: сжатый черный кулак.

Имперские Кулаки! Древний враг, источник порчи в его крови, единственная причина, из-за которой ему тысячелетиями приходилось сносить унижения от тех, кто даже не достоин был сражаться рядом с ним. Слепленный яростью, Хонсю ринулся через заваленную телами траншею, не думая больше ни о чем, кроме расправы над Кулаками. У входа на батарею показался еще один воин в желтой броне; он уже целился из болтера, но Хонсю оказался проворнее и первым разрядил обойму в ненавистного врага.

Болты срикошетили от брони десантника, вызвав снопы искр и изрыв землю вокруг. Хонсю заорал от бешенства, отбросил опустевший болтер и обнажил меч, в то время как воин перед ним упал на одно колено и тщательно прицелился.

Он ощутил несколько ударов в грудь, но ничто — даже смерть — не могло помешать ему добраться до врага. Не обращая внимания на боль, Хонсю изо всех сил ударил десантника ногой по нагруднику и, когда противник упал, одним резким ударом сверху вниз вогнал меч тому в грудь по самую рукоятку.

На него брызнула кровь, и в тот же момент на батарее прогремел новый взрыв, уничтоживший в пламени очередную демоническую машину. Крик демона заглушил даже грохот взрыва, и Хонсю пошатнулся под психической ударной волной. Его пронзила древняя злоба существа, уже бывшего невероятно старым до того, как зародилось человечество. Он возликовал, чувствуя безграничную ненависть демона, и тело его налилось новой силой, и презренная плоть стала на мгновение вместилищем для создания варпа. Он широко раскинул руки, и из ладоней его ударили пучки черных молний.

Вырвавшиеся на свободу молнии обрушились на батарею, взметнули фонтаны земли, с одинаковой беспощадностью пронзая как машины, так и солдат, не делая различий между своим и чужим, и Хонсю наслаждался каждой разрушительной секундой, понимая, что эта сила была дарована ему лишь на время. После каждой молнии глаза еще долго обжигало яркими всполохами, и все равно он смеялся и один за другим швырял разряды из энергии

варпа в лишившееся всякого порядка смешение людей и машин. Демоническая сила все прибывала, и тело его начало расти, разрывая доспех изнутри. Суставы и сухожилия растягивались, кости трещали, рот широко раскрылся в немом вопле.

По батарее прокатился гром еще одного взрыва, и Хонсю почувствовал, что еще одна проклятая сущность была изгнана из своей железной тюрьмы. Демон, завладевший его телом, внезапно отступил, позволив носителю на мгновение ощутить ту ненависть, которую одно создание варпа испытывало к другому. Опустошенный, Хонсю упал на колени и мог лишь наблюдать за тем, как две демонические твари постепенно поднимаются к небу, ни на минуту не прекращая битву между собой. Он жаждал вновь обрести подобную силу, хотя прекрасно понимал, что был бы ею в итоге уничтожен.

Нервные окончания начали реагировать на ужасные повреждения, причиненные демоном за то краткое время, что он провел в теле Хонсю, и он застонал от боли, но вокруг уже собирались солдаты-смертные, палившие в гвардейцев и Астартес, и он с трудом поднялся на ноги.

Взрывы продолжались, и вновь раздался безумный крик. Демоническая машина, оковы которой были повреждены подрывным зарядом, с воем пыталась освободиться из-под власти магических заклинаний, заточивших ее в металл. Люди гибли, раздавленные под бронзовым гусеницами, а затем Хонсю увидел, как огромное орудие медленно разворачивается в его сторону. Один за другим прогремели несколько выстрелов, и снаряды, пролетев у него над головой, разорвались где-то в самом сердце лагеря Железных Воинов, вызвав череду вторичных детонаций.

Морщась от боли в поврежденных мускулах, Хонсю вытащил меч из тела, лежавшего у его ног. Многие Имперские Кулаки еще были живы, и он устремился на их поиски в пылающий ад, в который превратилась батарея.

Стены звенели от болтерных выстрелов так, что можно было оглохнуть, а бесконечный шквал пуль снизу ударял в мостки, на которых лежал Хоук. В отчаянии он изо всех сил ударил локтем по решетке у себя за спиной, при этом не прекращая палить вслепую из лазгана куда-то за край железного настила.

Несколько пуль срикошетили от бока торпеды, и воздух наполнился искрами и руганью Хоука, опасавшегося, что проклятая машина вот-вот взорвется. По металлической лестнице рядом уже грохотали сапоги, и он успел откатиться от края как раз вовремя: над мостками показалось нездорового вида лицо, а под ним — красный вражеский воротник.

Хоук ударил со всего маху и локтем проломил мужчине нос, отчего лицо залилось кровью. Солдат инстинктивно потянулся к ране руками и тут же заорал, рухнув с лестницы.

— Там и оставайся! — рывкнул вдогонку Хоук и быстро высунулся из-за края помоста, чтобы посмотреть на падающего врага. Мимо тотчас просвистела пуля, оцарапала ему висок, и он вскрикнул от боли. Рана обильно кровоточила, а по лестнице уже взбирался новый противник. Болтерный снаряд проделал дыру в рукаве и задел предплечье как раз той руки Хоука, которая

держала лазган, отчего он немедленно уронил оружие, и только сделав резкий бросок, успел остановить его, прежде чем лазган упал за край мостков. А потом сверху на него обрушилось что-то тяжелое.

Вражеский кулак устремился к челюсти Хоука, но он предугадал направление атаки и увернулся. Оседлавший его солдат не сдавался и продолжал осыпать Хоука тумаками. На это Хоук ответил ударом в пах противника, а когда тот согнулся пополам, усилил эффект, боднув врага головой и изо всех сил ударив его по шее ребром ладони, после чего схватил солдата за ворот комбинезона и, приложив напоследок головой к металлическому настилу, толкнул его с мостков.

Но перед ним, целясь из ружья, уже стоял другой солдат.

Хоук лягнул его изо всей мочи и впечатал тяжелые ботинки в колени врага. Враг взвыл и рухнул как подкошенный. Хоук выпустил в него целый смерч лазерных разрядов, которые ничего не оставили от грудной клетки солдата и попутно снесли решетку в стене за ним. Те, кто оставались внизу, продолжали стрелять, и Хоук поспешил откатиться от края мостков — и оказался нос к носу с открытой панелью на боку торпеды.

Как же, черт побери, ее запускают?

Он никак не мог вспомнить.

По лестнице опять кто-то лез, а индикатор заряда на ружье мигал красным. Хоук выругался: лазган почти разряжен. Очередной солдат добрался до верха лестницы, и Хоук, выхватив из ножен на поясе предмет гордости Хитча (ныне усопшего), вогнал лезвие джуранского боевого ножа в шею врага по самую рукоятку. Его с ног до головы оросило яркой артериальной кровью; отчаянно протирая глаза, Хоук пополз обратно к торпеде, не забыв вернуть нож на место.

Пальба внизу не прекращалась, но теперь, кажется, стреляли не в него. Хоук украдкой выглянул из-за края мостков и увидел, что гигант в доспехах сам расправился с оставшимися солдатами. Возможно, они не проявили должного энтузиазма и отказались идти навстречу судьбе, уже постигшей их соратников.

Хоук расплылся в улыбке. Винить их за это он бы не стал.

— Ты храбрее, чем я думал, человечек, — сказал космический десантник, ставя ногу на ступень железной лестницы. — В знак почтения я дарю тебе самую жестокую смерть.

— Что ты, не стоит ради меня утруждаться, — выкрикнул в ответ Хоук и несколько раз выстрелил из лазгана, но от оружия не было никакого толку: вороненый доспех отразил разряды. Хоук заметался в поисках хоть чего-то более эффективного, и взгляд его упал на то, что уж точно могло прикончить негодяя.

Но как этим воспользоваться? Что там по этому поводу говорил Бове?

«Нажмите руну запуска на...»

На чем?

Хоук услышал, что воин начал подъем, и закусил губу.

— Да пошло оно все, — объявил он, закрыл глаза, запустил руку внутрь открытой панели и всей ладонью надавил на все руны, кнопки и переключатели, до которых смог дотянуться.

Ничего не произошло.

— Император тебя побери! — в отчаянии заорал Хоук. — Бесполезная железка! Давай запускайся, мерзавка, я кому говорю, запускайся!

Не успел он договорить, как зал наполнился низкой вибрацией, взревели сирены, а у потолка замигала череда огней. Хоук открыл глаза и истерически рассмеялся. Ну конечно! Молитва Пробуждения!

Внезапно в зале стало очень жарко, вдоль стен повалил пар, и один за другим заработали реактивные двигатели. Ай да Хоук, вот просто взял и сделал!

Но жара нарастала, и он подскочил на месте, вдруг осознав, в какой опасности оказался. Спуск по лестнице как вариант сразу отпадал, но тут Хоук заметил вход в туннель, до этого закрытый решеткой. Он понятия не имел, куда вел этот проход, но в том месте уж точно было лучше, чем здесь.

— Ну ладно, дружище Хоук, — прошептал он, — пора двигать отсюда.

Он быстро пополз к туннелю, толкая лазган перед собой. Проход был достаточно широким, и он скользнул внутрь.

Кто-то схватил его за штаны. Хоук обернулся и закричал, увидев, что гадкая механическая клешня слуги Хаоса мертвой хваткой держала его за лодыжку.

Гигантский воин не мог пролезть в туннель, но эта клешня с легкостью могла вытянуть наружу свою добычу.

— Если нам суждено умереть, человек, то мы умрем вместе, — пообещал воин.

— Не угадал, — огрызнулся Хоук и принялся пилить ножом по пульсирующим силовым кабелям, которые были подсоединены к клешне. Брызнуло черное масло, а затем и гидравлическая жидкость, и клешня судорожно задергалась.

Железная хватка ослабла, и Хоук, оттолкнув клешню ногой, со всей возможной скоростью пополз по гладкой металлической трубе. Он ждал пули в спину, но секунды шли, а выстрела так и не было. Вся труба тряслась от вибраций, исходивших от торпеды, и Хоук задвигался еще быстрее, выжимая из собственных мышц все, что можно, и еще чуть-чуть. Вслед ему потянулись клубы пара, гул двигателей позади все нарастал, от жары по лицу ручьями тек пот, и даже металлические стены воздуховода, по которому полз Хоук, трещали, расширяясь в ответ на высокую температуру.

Внезапно над ним открылась пустота. Выбравшись из трубы, Хоук закинул ружье на плечо и осмотрелся: он оказался внутри чего-то, очень похожего на вентиляционную шахту. Сюда выходили и другие воздуховоды, а вверх, где виднелся красный круг неба, вела длинная лестница. Хоук подпрыгнул, ухватился за ее ступени и стал подниматься так быстро, как только мог. Низкий гул позади усилился настолько, что звучал уже как оглушительный рев дракона, пробудившегося в своем логове.

Рев все нарастал, а Хоук все лез и лез. Потоки обжигающе горячего пара, словно гейзеры, то и дело проносились совсем рядом. Жар становился невыносимым, и Хоук заскрипел зубами. На коже вздулись волдыри, но он не обращал внимания на боль и просто переставлял руки с перекладины на перекладину, с каждым разом подтягивая себя все выше.

Наконец он добрался до верха лестницы — и тут же застонал от страха, почувствовав, как снизу к нему несется опаляющая волна жара и яркого оранжевого света. Вскрикнув, он последним титаническим усилием перевалился через край шахты и откатился в сторону, и следом же на поверхность вырвался фонтан раскаленных выхлопных газов.

Хоук, крепко зажмурившись, продолжал откатываться все дальше от шахты, пока не убедился, что находится в безопасности. Хватая воздух ртом, он с трудом сел и открыл глаза — как раз вовремя, чтобы увидеть, как огненный столп возносит торпеду высоко в небо.

Гвардеец Джулиус Хоук точно знал, что более прекрасного зрелища ему никогда видеть не доводилось.

Оставляя за собой пылающий след, орбитальная торпеда наземного базирования класса «Глефа» быстро поднималась все выше в красное небо Гидры Кордатус, озаряя ярким свечением поле боя внизу. Она поднималась на высоту, где разреженная атмосфера позволяла развить большую скорость, и вскоре от нее остался только мерцающий огонек. На высоте почти в сотню километров отделилась первая ступень и заработали двигатели второй. Они разогнали торпеду еще быстрее, в то время как дух войны, обитавший в боеголовке, провел расчеты времени, расстояния и вектора до цели. Разогнавшись до скорости около четырнадцати тысяч километров в час, торпеда выровнялась и начала охоту. Адептус Механикус наложил проклятие на ее цель, и теперь это проклятие должен был исполнить дух войны. Эллиптическая траектория полета уже вела торпеду обратно к поверхности, и в этот

момент дух войны определил цель, после чего отдал команду двигателям второй ступени провести коррекцию траектории, и торпеда устремилась вниз.

Форрикс стоял на краю холма, возвышавшегося над равниной, и с бессильным отчаянием наблюдал за жестоким боем внизу. Имперские войска атаквали батареи, а он ничего не мог сделать. Кто бы поверил, что псы бога-трупа проявят такую смелость? Форрикс сжал кулаки и поклялся, что заставит виновных дорого заплатить за случившееся.

Вспышки и взрывы разогнали ночную тьму, и улучшенное зрение Форрикса позволяло ему видеть каждое геройское деяние в отдельности. И не только это: в мерцающем свете он безошибочно узнал желтые доспехи Имперских Кулаков. Появление древнего врага именно здесь и сейчас было практически идеальным совпадением, о котором Форрикс не мог и мечтать. Он помнил, как десять тысячелетий назад сражался с воинами Дорна на стенах у Врат Вечности на Терре. Тогда они были достойными бойцами, с которыми не страшно отправиться хоть в сам ад, но вот сейчас...

Что ж, скоро у него будет шанс это выяснить. В сердце его вновь загорелась сильнейшая ненависть — и это при том, что он уже почти забыл о таких чувствах.

Он видел, как над горами к востоку поднялось копьё света, и ощутил мгновенное беспокойство, наблюдая, как орбитальная торпеда уходит в небо. Как ее удалось запустить, где лежала ее цель? Но вскоре торпеда скрылась за облаками, и эти вопросы уже не казались такими уж важными. Форрикс вновь сосредоточился на битве внизу и презрительно усмехнулся, когда имперские силы начали отступать под натиском Железных Воинов, перешедших в контрнаступление. Он видел, как Хонсю повел толпу солдат на батарею; они убивали всех, кто промедлил и вовремя не сбежал, и эти действия вызвали у Форрикса мрачную улыбку.

Постепенно Хонсю превращался в грозного военного командира, и Форрикс знал, что, получи он такой шанс, этот полукровка мог бы стать одним из величайших Кузнецов Войны в истории легиона.

Сражение на равнине практически закончилось. Форрикс развернулся и зашагал вдоль орудий — огромного числа орудий, которые он собрал на склоне холма, — а затем прошел через брешь, которую с таким трудом пробил в стене отряд Хонсю. Завтра орудия опять начнут обстрел, и укрепления цитадели падут.

Форрикс перешел через траншею по перекинутому через нее металлическому мосту и внезапно остановился. От смутного предчувствия чего-то плохого пробежала по спине холодная дрожь, и он посмотрел вверх.

Небо, как и всегда, было цвета крови; облака то и дело подсвечивались взрывами на равнине. Что же заставило его поднять голову?

А потом он увидел, что.

Ярко светящаяся точка высоко в небе, быстро несущаяся вниз, к поверхности. Форрикс понял, куда была направлена торпеда, и оцепенел; но когда торпеда вошла в нижние слои атмосферы и вокруг нее образовалось раскаленное сияние, на смену ужасу пришла горячая ярость. Он бросился к центральной башне форта, на ходу выкрикивая в вокс предупреждение воинам, разместившимся внутри:

— Во имя всего нечестивого, поднимайте пустотные щиты!

Тяжело шагая, он со всей возможной скоростью двинулся к взрывоустойчивым дверям, ведущим вовнутрь, но не удержался и бросил быстрый взгляд через плечо. Огненный ореол, окруживший торпеду, был похож на злобный глаз, раскрывшийся в небе и теперь смотревший ему прямо в сердце.

Форрикс вошел в башню, ударил кулаком по механизму, закрывающему двери, и быстрым шагом направился в командный центр. Он слышал всепроникающий гул, который исходил от уже заработавшего генератора пустотных щитов глубоко под башней, и отчаянно надеялся, что щиты успеют подняться.

Ибо если этого не произойдет, и он, и все остальные в форте могли уже считаться покойниками.

Торпеда попала почти точно в центр бастиона Кейн, и разрушения, вызванные детонацией ее трехступенчатой боеголовки, были поистине катастрофическими. Первичный заряд в ней был приспособлен для того, чтобы пробивать мощный корпус космического корабля, в то время как заряд третьей ступени, взрываясь одновременно с первым, должен был толкать вторичный заряд все глубже внутрь цели. Но вместо обшивки космического корабля, толщиной в несколько метров и с адамантиевым усилением, торпеда, двигавшаяся со скоростью более тысячи километров в час, врезалась в укрепления бастиона Кейн. Взрыв первой ступени был феноменальной силы и оставил после себя воронку в пятьдесят метров глубиной, в радиусе трехсот метров от которой все было сравнено с землей. Взрыв третьей ступени протолкнул торпеду еще глубже, в скальную породу, где взорвался второй, самый мощный, заряд, и этот взрыв поистине космической силы разнес на куски возвышение, на котором стоял Тор Кристо.

Взрывы сопровождал ослепительный свет, от которого ночь превратилась в день. Обломки камня, каждый размером с танк, взлетели в воздух, словно мелкая галька, и равнину накрыло непроницаемой волной из дыма и пыли. Детонация прогремела, как молот богов, обрушившийся на поверхность планеты, и грибообразное облако взметнулось на тысячу метров к небу, усыпая все вокруг пеплом и горящими фрагментами скалы.

Стены по обе стороны от пораженного бастиона треснули и просели; рокрит, из которого они были сделаны, разрушался, уступая воздействию сил, выдерживать которые он не был предназначен. Воронка в эпицентре расширялась со страшной скоростью, и артиллерийские орудия вперемишку с тоннами мусора падали в ее огненное жерло.

Затем невообразимо тяжелая каменная масса укреплений пошла трещинами и, застонав,

словно в агонии, разрушительной приливной волной заскользила вниз по склону. Западная оконечность первой параллели была полностью погребена под этой каменной лавиной, а зигзагообразные апроши, соединявшие ее со второй параллелью, обвалились. Тысячи орущих в панике людей погибли под обвалом, раздавленные пришедшими в движение пластами почвы.

Под шквалом осколков исчезла батарея, сооруженная перед стенами бастиона Винкаре, и ее орудия оказались навеки похоронены под многотонным слоем земли. Горящие обломки, упавшие на лагерь Железных Воинов, вызвали сотни вторичных взрывов: взлетели на воздух склады с боеприпасами и емкости с топливом, откуда огонь перекинулся на сотни палаток. Весь лагерь пришел в беспорядок, люди отчаянно пытались совладать с огнем, но справлялись с ним не лучше, чем муравьи — с лесным пожаром, и ничто не могло остановить бешенство огненной стихии.

От ударной волны зашатался гигантский «Диес Ире», но рабочие хорошо потрудились, и опоры, возведенные вокруг титана, выдержали, не дав огромной машине упасть. Корпус титана задрожал, застонали его суставы, внешние гиросtabilизаторы работали на пределе, стараясь сохранить равновесие, и, наконец, ударная волна прошла, не нанеся машине никакого вреда. Другим же титанам повезло меньше: Легио Мортис лишился трех «Повелителей войны», которые были выведены из строя самим взрывом и огромными фрагментами скалы, поднятыми им в воздух.

Когда затихли последние отголоски взрыва и померк сопровождавший его ослепительный свет, количество погибших достигло почти десяти тысяч. От Тор Кристо уцелела только центральная башня, защищенная пустотными щитами; только она все еще одиноко возвышалась на покрытом трещинами выступе, оставшемся от холма.

В результате всего одного удара, нанесенного гвардейцем Хоуком, баланс сил на Гидре Кордатус кардинально изменился.

Кастелян Вобан поднялся с засыпанной пылью и обломками земли и потрянул головой, стараясь избавиться от звенящего шума, наполнившего череп. Вся долина была залита ярким светом, и он радостно засмеялся при виде огромного облака-гриба, выросшего над Тор Кристо, который утонул в дыму и пламени.

Они с Леонидом видели, как взлетела торпеда, но не следили за ее траекторией, так как были слишком заняты организацией отступления к Первому рavelину. В хаосе, в который превратилась атака на батарею, Вобан забыл обо всем и узнал о том, что торпеда попала в цель, только когда его собственная тень резким контуром нарисовалась прямо перед ним, после чего могучая сила сбила его с ног. После этого память его сохранила только вспышку яркого света, громовой раскат взрыва и боль, когда с неба обрушился град камней и земли.

Борясь с головокружением, он выпрямился и взгляделся в серую пелену, стараясь оценить степень нанесенного урона, но безуспешно: из-за пыли и дыма уже в десяти метрах ничего не было видно. Он видел фигуры, медленно поднимавшиеся с земли, но не мог определить, кто это — друг или враг.

В пыльном полумраке зазвучали голоса сержантов, созывающих свои отряды, и Вобану послышалось, что кто-то — кажется, Леонид — выкрикнул его имя. Он попытался крикнуть в ответ, но во рту пересохло от пепла, и вместо крика из горла вырвался лишь глухой хрип. Вобан сплюнул, отер пыль с лица и попытался — тщетно — отряхнуть мундир и нагрудник. Пора было восстановить хоть какой-то порядок. Пошатываясь, он пошел в направлении, откуда, как ему казалось, послышался голос Леонида, затем резко развернулся, не в силах определить свое местоположение в этой непроницаемой мгле, и замер, услышав чей-то голос.

В клубах дыма перед ним возникла огромная фигура в вороненом доспехе, покрытом пылью и пятнами крови. Воин был без шлема, и Вобан заметил, что у него были коротко остриженные черные волосы и глаза, горевшие ненавистью, от которой сердце кастеляна объял ужас.

Некоторое время они молча стояли друг напротив друга. Наконец Вобан обнажил меч и встал в боевую стойку, держась при этом спокойно и ничем не выдавая страха, который внушал ему этот воин.

— Я кастелян Претр де Роше Вобан Шестой, наследник земель Бурговы на планете Джуран и потомок рода Вобанов, — сказал он ровным голосом. — Скрести со мной клинки, если ищешь смерти, грязный демон.

Воин улыбнулся.

— У меня нет таких звучных титулов, человек. Меня зовут Хонсю, я полукровка, дворняжка, подонок и отребье. И клинки я с тобой скрещу.

Активировав лезвие силового меча, Вобан перешел в низкую стойку. Хонсю приблизился. Вся батарея замерла, и лишь два воина, сошедшиеся в дуэли, двигались по кругу, высматривая слабое место в обороне противника.

Вобан поднял меч в приветствии, а затем без всякого предупреждения одним прыжком сократил дистанцию между собой и врагом и сделал быстрый выпад. Хонсю отклонился от линии атаки и круговым движением направил лезвие своего меча в рубящий удар, на что Вобан, пригнувшись и отступив в сторону, ответил ударом восходящим.

Хонсю отбил взмывший над ним клинок и сделал шаг назад, подняв меч перед собой. Вобан восстановил потерянное равновесие, снова двинулся в атаку, и снова Хонсю умело блокировал его выпад, одним поворотом запястья перейдя от блока к удару, направленному Вобану в голову, но кастелян прочел намерение врага в его глазах и успел уклониться.

Оценив противника, оба воина вновь двинулись по кругу, настороженно выжидая, кто сделает следующий выпад.

Хонсю атаковал первым и обрушил на Вобана сверкающий стальной вихрь, который вынудил кастеляна отступить шаг за шагом. Вобан парировал жестокий удар в грудь и сразу же

перешел в нападение. Его клинок оставил глубокую борозду на доспехе врага, но не пробил броню.

Хонсю попятился, и Вобан, улыбаясь в предвкушении, с новыми силами бросился в атаку. Его противник был силен, но он, Претр Вобан, посвятил всю жизнь искусству владения мечом, и каждый его выпад стоил оппоненту новой раны. Он вновь и вновь испытывал защиту врага на прочность, заставляя его медленно отступать, пока Хонсю не пошатнулся.

Тогда Вобан резко развернулся и ударил слева, метя в руку воина, держащую меч. Хонсю отреагировал в тот же миг и остановил удар; их клинки столкнулись, разбрасывая сверкающие искры, но меч Хонсю не выдержал давления и сломался. Видя, что его оружие достигло цели, Вобан победно взревел, а Железный Воин застонал от боли — его рука была отсечена чуть выше локтя, и из культи фонтаном била кровь.

Шатаясь, Хонсю отступил, и Вобан, воспользовавшись шансом нанести смертельный удар, перешел в стремительную атаку — и лишь в последнюю секунду понял, что купился на уловку врага.

Зарывав, Хонсю шагнул навстречу противнику, отбил меч кастеляна в сторону и вогнал обломок своего клинка сквозь серебряный нагрудник тому прямо в сердце. Все тело Вобана пронзила боль, ставшая невыносимой, когда Хонсю провернул сломанное лезвие; его грудь заливала алая кровь, и он с трудом различал предметы в сгущавшейся тьме. Ему показалось или кто-то снова позвал его по имени?

Сама жизнь вытекала из раны в груди Вобана, и он в последний раз посмотрел в глаза своему убийце.

— Будь ты проклят, — прошептал он.

— Я уже давно проклят, человек, — прошипел Хонсю, но Вобан был уже мертв.

Глава 6

Над долиной занимался рассвет, и алые лучи солнца озарили жуткую картину разгрома бесстрастным светом. Густая пыль, все еще висевшая в воздухе, приглушала все звуки, отчего в долине воцарилась неестественная тишина.

Кузнец Войны оценивал масштабы разрушения, сохраняя видимость безразличия. Его ярость выдавали только изменчивые тени, что пробежали по его лицу, и никто из капитанов не решался приблизиться к командиру, опасаясь его гнева. Нечеткие образы, клубившиеся под поверхностью его доспеха, заматались, в их исполненных болью столах слышалось отчаяние.

Две батареи почти полностью разрушены; орудия у Тор Кристо уничтожены; практически все

демонические машины погибли. Были потеряны миллионы артиллерийских боеприпасов, людские жертвы исчислялись тысячами, а под грудями обломков, в которые из-за взрыва превратился холм Тор Кристо, были погребены результаты многонедельного труда.

Кузнец Войны повернулся к своим капитанам, и все они при его приближении испытали ни с чем не сравнимый ужас. Они видели, что силы, изменявшие его тело, теперь действовали с бешеной скоростью, и само его присутствие было почти невыносимым.

— Вы разочаровали меня, — сказал он просто.

Каждый капитан почувствовал прикосновение страшной энергии, сопровождавшей преобразование Кузнецца Войны, а затем он склонился к первому из них:

— Форрикс, я поручил тебе подвести наши фортификационные сооружения к стенам неприятеля. Ты не справился.

Он двинулся дальше.

— Кроагер, я поручил тебе охранять мои военные машины. Ты не справился.

Кузнец Войны повернулся к своему последнему капитану, и сдержанный голос его обрел опасную мягкость:

— Хонсю, ты был благословлен прикосновением одного из созданий Хаоса, и теперь ты один из нас. Ты хорошо поработал и был мне полезен; об этом я не забуду.

Хонсю благодарно кивнул и слегка шевельнул своей новой механической рукой: личный хирумех Кузнецца Войны установил ее, как только завершилась вчерашняя битва.

Кузнец Войны сделал шаг назад, его чудовищное тело увеличилось в размерах, и тьма, окутавшая лицо, на мгновение развеялась, обнажая неистовые силы Хаоса. Он взревел, и голос его был подобен голосу разгневанного бога:

— Я не позволю, чтобы ваша слабость встала на пути к моему возвышению. Убирайтесь и не смейте возвращаться, пока не вскрыете оборону этой цитадели!

<http://tl.rulate.ru/book/30591/675428>